

Деятельность М. С. Воронцова на Кавказе в 1844-1854 гг.

Автор: В. С. Мунаев

Мунаев Вадим Саидович - соискатель Ставропольского государственного университета.

Резкое усиление военно-политического влияния России на Кавказе в первой четверти XIX в. привело к противодействию ряда горских народов Северного Кавказа и началу Кавказской войны (1817 - 1864 гг.). Идейной основой объединения горцев стал мюридизм (направление в исламе), который обязывал каждого правоверного мусульманина вести против неверных священную войну. Военные действия на Кавказе носили переменный успех, но в 1830-х гг. ситуация стала развиваться не в пользу России. В Дагестане (1834 г.) образовалось исламское государство (имамат), идеологией которого стал мюридизм. Имамат расширился за счет территорий Восточного Кавказа (весной 1840 г. к мюридам присоединилась Чечня). Горцы Западного Кавказа также одержали ряд побед. Они захватили несколько укреплений на черноморском побережье. Успехи горцев во многом объяснялись некомпетентностью русской гражданской администрации в сфере обычаев, языка и менталитета народов Кавказа. Применение только военных методов против горцев не могло привести к окончанию войны. Николай I понимал, что необходимы изменения в управлении регионом, которые могли повлиять на привлечение симпатий местного населения к российским властям.

В 1840 г. императором была образована временная высшая государственная структура для управления Кавказом и надзора за кавказской администрацией - Закавказский комитет (который явился преемником Комитета об устройстве Закавказского края, созданного в 1833 г.). В него входили многие министры (внутренних дел, шеф жандармов и начальник III отделения и другие). Закавказский комитет стал высшим исполнительным и законосовещательным учреждением Кавказа. Размещался он в Петербурге. Важную роль в комитете стал играть барон П. В. Ган (член Государственного Совета и Совета Министерства внутренних дел), который во многом определял развитие Закавказья. По инициативе барона в 1840 г. было утверждено "Учреждение для управления Закавказским краем", согласно которому создавалось главное управление Закавказским краем, включавшее в себя главноуправляющего краем, тифлисского военного губернатора и Совет Главного управления. По этому документу Закавказский край был разделен на Грузино-Имеретин-

стр. 105

скую губернию и Каспийскую область. Управление Грузино-Имеретинской губернии (возглавлял Грузино-Имеретинский гражданский губернатор) и Каспийской области (возглавлял начальник области) состояли из губернских и областных управлений, казенных палат, палаты государственных имуществ, а также палат уголовного и гражданского суда и прокурорской части. На уровне уезда городская полиция и уездные суды существовали автономно¹. На Кавказ был распространен общеимперский принцип управления, что негативно сказалось на положении российской администрации, так как многие законы были фактически неприменимы в этом регионе.

В августе 1842 г. (для того чтобы повысить эффективность действий исполнительной и законодательной власти на Кавказе) было создано VI временное отделение при императорской

канцелярии, которое рассматривало все дела по Закавказью, требовавшие законодательных мер. Далее (после изучения императором) дела направлялись на рассмотрение в Закавказский комитет. Все дела по краю, не требовавшие новых законодательных мер и превышавшие власть министров, также представлялись (через комитет) на высочайшее рассмотрение. Из Закавказского комитета, под благовидным предлогом формирования нового кавказского комитета (состав которого дополнили всего 2-мя официальными лицами), в 1842 г. удалили Гана, который проявил некомпетентность в управлении регионом². В отставку подал командующий Кавказским корпусом и главноуправляющий Закавказским краем Е. А. Головин.

Однако преобразования системы управления на Кавказе не приводили к значительному улучшению положения в регионе. Территория, подконтрольная имамату продолжала увеличиваться, а военная ситуация осложнялась. В 1843 г. Кавказский корпус понес тяжелые потери от армии имамата. Главной проблемой управления на Кавказе была слабость административного аппарата, которая объяснялась ограниченными полномочиями местных чиновников. Военные поражения усугубляли несовершенство в управлении краем, которое в условиях войны могло привести к восстанию коренных народов и отторжению всего Закавказского региона от России³. Еще большую опасность представлял Северный Кавказ, предгорья которого были населены мусульманскими народами. Их переход на сторону имамата грозил созданием на Северном Кавказе единого горского государства, с выходом к Черному и Каспийскому морям. В этой ситуации в 1844 г. император принял отставку главноуправляющего Закавказским краем А. И. Нейдгардта.

Николай I решил отойти от общероссийской губернской системы управления и учредить на Кавказе специфическую форму управления этой национальной окраиной - наместничество. Одному лицу (наместнику с широкими полномочиями) были подчинены несколько административно-территориальных единиц. Это было сделано для того чтобы сконцентрировать исполнительную власть в регионе в одних руках с целью скорейшего решения кавказских проблем. Процесс формирования института наместничества длился почти два года, завершившись в 1846 году. В этот период были определены и разграничены функции наместника и Кавказского комитета (так стал называться с 3 февраля 1845 г. Закавказский комитет). 27 декабря 1844 г. император назначил главноуправляющим гражданской частью на Кавказе и главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом М. С. Воронцова, который таким образом стал совмещать руководство местной исполнительной властью и командование Кавказским корпусом. Выбор императора объясняется тем, что Воронцов имел славу героя Бородино и Краона, а также успешный опыт управления Новороссией и Бессарабией.

В январе 1845 г. Воронцов поехал в Петербург, где был ознакомлен со своими должностными полномочиями. Он поднял вопрос о расширении

юридических границ компетенции главноуправляющего. Понимая, что для решения многих проблем ему необходимы широкие полномочия, Воронцов настаивал на том, чтобы своей властью разрешать дела, восходящие к министрам. При этом он столкнулся с непониманием управляющего делами Кавказского комитета статс-секретаря М. П. Позена, который попытался ограничить полномочия главноуправляющего⁴. Суть их разногласий заключалась в вопросе о праве главноуправляющего своей властью решать дела, восходящие к министрам. Второй проблемой стало осуществление функций законодательной власти в наместничестве. Позен считал, что это право может быть только у императора. Воронцов же настаивал на безусловном расширении своих полномочий, так как видел в этом возможность служить на благо Отечеству.

На встрече с М. П. Щербининым и А. И. Чернышевым (военным министром и председателем временного, а затем и постоянного Кавказского комитета) Воронцов объявил о том, что был обвинен Позеном в стремлении уравнивать свои полномочия с царскими. Под влиянием доклада Чернышева (ставшего на сторону Воронцова), император отказался принимать Позена и последний подал в отставку. Таким образом, Воронцов настоял на расширении функций главноуправляющего, сделав специальную оговорку о делах законодательных, которые остались в компетенции императора⁵.

Отставка Позена, стремившегося ограничить полномочия Воронцова, способствовала усилению власти наместника. Рескриптом от 30 января 1845 г. "О усилении прав Главноуправляющего гражданской частью на Кавказе" (с февраля 1845 г. должность официально именовалась "наместник кавказский", что впервые было зафиксировано в положении о канцелярии Кавказского комитета от 3 февраля 1845 г.) за Воронцовым были закреплены широкие полномочия, позволившие ему самостоятельно, с учетом специфики региона, решать возникавшие проблемы на месте, не испрашивая разрешения министерств, докладывая непосредственно императору. Кавказская область вошла в состав наместничества и подчинилась наместнику. Воронцов получил также право определять круг дел, направляемых на рассмотрение Совета Главного управления Закавказского края, что снизило роль данного органа государственного управления⁶. Впоследствии влиять на Совет наместник мог через начальника гражданского управления Закавказского края, который также возглавлял Совет Главного управления. Значение главноуправляющего гражданской частью Закавказского края снизилось. Он перестал быть главой исполнительной власти в регионе, а его должность была преобразована в должность начальника гражданского управления. Первоначально начальником гражданского управления Закавказского края был назначен П. А. Ладинский. Он возглавил гражданское управление данной территорией, но теперь подчинялся наместнику, ставшему высшим должностным лицом на Кавказе. Начальник гражданского управления Закавказским краем был устранен от командования Кавказским корпусом, так как это также вошло в права наместника. Вместе с тем должность начальника гражданского управления продолжала оставаться одной из важнейших в управлении Кавказом. Фактически он стал заместителем наместника, вторым лицом на Кавказе.

Таким образом, с 1845 г. Воронцов стал совмещать две должности: наместника Кавказа и главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом (командующий Кавказским корпусом стал именоваться главнокомандующим, что подчеркнуло его расширенные полномочия). В качестве главнокомандующего Кавказским корпусом Воронцов получил также особые полномочия во всех губерниях и территориях, объявленных на военном положении⁷. Кроме того, формально он сохранил должность генерал-губернатора Ново-

стр. 107

россии и наместника Бессарабии (временно исполняющим обязанности генерал-губернатора стал генерал-лейтенант П. И. Федоров).

Занятие четырех должностей дало возможность Воронцову влиять на управление значительными территориями юга России, так как вместе с Кавказом, площадь Новороссии и Бессарабии составляла более 500 тыс. кв. верст (территория Кавказского наместничества - более 300 тыс., а Новороссии и Бессарабии - около 215 тыс.)⁸. Резиденцией наместника и административным центром Кавказского наместничества стал Тифлис. Наместничество объединило в себя территорию Северного Кавказа и Закавказья (Кавказская область, Черноморская береговая линия, земли войска Черноморского, а также Каспийская область и

Грузино-Имеретинская губерния). В его состав также вошли Абхазия, княжеская Сванетия, Мегрелия, а также ряд ханств и феодальных владений Дагестана, принявших подданство России (ханство Казикумухское, Аварское, Кюринское, владения Кайтага и Табасарана, шамхальство Тарковское и Мехтулинское ханства, которые управлялись своими владельцами). Власть наместника распространилась почти на весь регион, за исключением горной Чечни и Дагестана, а также значительной части Закубанья, которые являлись анклавом на территории наместничества. В итоге к 1845 г. народы Северного Кавказа и Закавказья (проживающие на значительной территории), родственные в культурном, генетическом, языковом и религиозном отношениях, впервые были объединены в одной административно-территориальной единице России.

3 февраля 1845 г. Закавказский комитет был преобразован в Кавказский комитет, в который были отнесены все дела, относящиеся к Кавказской области и Закавказскому краю. VI временное отделение собственной канцелярии императора было закрыто, что ускорило процедуру движения дел из наместничества на рассмотрение императора. В состав Кавказского комитета вошли те же государственные чиновники высшего ранга (военный министр, шеф жандармов и начальник III отделения, министр государственных имуществ и другие официальные лица). Комитет продолжал располагаться в Петербурге. Его состав оставался неизменным до 1852 года⁹. Однако схему рассмотрения дел пересмотрели. Была образована канцелярия Кавказского комитета, которая получила право рассматривать определенный круг дел. По положению "О канцелярии Кавказского комитета" от 3 февраля 1845 г. наместник был обязан (если не мог решить вопрос своей властью) входить с законодательной и исполнительной инициативой к председателю Кавказского комитета, который в зависимости от степени важности дела мог оставить его на рассмотрение комитета или направить царю. 5 февраля при наместнике была образована собственная канцелярия, которая впоследствии взяла на себя решение значительного количества региональных дел, а 23 июля все дела, находящиеся вне компетенции наместника и министров были переданы в Кавказский комитет¹⁰. Новым управляющим делами комитета (вместо Позена) был назначен В. П. Бутков, который был сыном кавказоведа П. Г. Буткова, имевшего опыт участия в управлении Кавказом. В функции Кавказского комитета стало входить решение вопросов, выходящих за рамки власти наместника в гражданской сфере. Комитет сосредоточил высшую исполнительную власть в регионе и занимался только гражданскими делами. Его созданием на высшем уровне была окончательно разграничена гражданская и военная власть в кавказском регионе. Военная власть стала принадлежать наместнику, военному министру и императору.

Окончательно институт наместничества сформировался в 1846 году. 6 января были утверждены "Правила об отношениях Кавказского наместника", которые разграничили функции Кавказского комитета и наместника в

области гражданского управления, предоставив Воронцову право осуществлять главный (прокурорский) надзор за действиями всех официальных и неофициальных учреждений и лиц в наместничестве. Наместнику были также подчинены округа инженерные и путей сообщения, а также строительные комиссии и комитеты, прокуроры¹¹. 9 февраля при наместнике и Совете Главного управления Закавказского края были образованы еще 2 канцелярии: дипломатическая и гражданская¹². Последняя первоначально включала 6 отделений: I, II и III, а также казначейское, сельского хозяйства и горного производства, карантинно-таможенное. Кроме того, при канцелярии состояли редакция Закавказского вестника и типография канцелярии наместника. В дипломатической канцелярии служили чиновники-переводчики, знавшие

грузинский, армянский, персидский и тюркский языки¹³. Воронцов фактически обладал теми же правами, что и министры Кавказского комитета. Кавказское наместничество было выведено из общероссийского управления, а регион стал более самостоятельным в реализации экономических и управленческих вопросов. Положительную роль сыграло также то, что наместник и председатель Кавказского комитета имели давние товарищеские отношения (вместе освобождали Германию от войск Наполеона в 1813 г.), способствовавшие их плодотворной деятельности. В августе 1846 г. при канцелярии наместника был учрежден особый стол для производства дел по Новороссии и Бессарабии, что позволяло Воронцову, находясь в Тифлисе, усилить контроль над деятельностью П. И. Федорова¹⁴. 6 октября были определены категории чиновников, которых Воронцов по собственному усмотрению теперь мог увольнять, перемещать, отрешать и предавать суду (право главнокомандующего Кавказским корпусом предавать их суду и увольнять было закреплено в рескрипте императора от 31 января 1845 г.). Это были чиновники Закавказского края и Кавказской области от XIV по VII класс включительно. Чиновников V и VI классов он мог только назначать и отрешать от занимаемых должностей¹⁵.

До 1845 г. все уголовное и гражданское судопроизводство на Кавказе было подчинено общероссийским правовым нормам. Единственным исключением было сохранение для мусульман суда шариата¹⁶. Воронцов решил привести управление Кавказом в соответствии с местными условиями. Неудобство его также состояло в обширности Каспийской области и Грузино-Имеретинской губернии. С целью улучшения управления Закавказьем наместником было проведено новое административно-территориальное разделение Закавказского края с максимальным дроблением. Первоначально Воронцов разделил Закавказский край на 4 губернии. 14 декабря 1846 г. было утверждено "Положение о разделении Закавказского края". Он стал состоять из Тифлисской, Кутаисской, Дербентской (которая включала ту часть Дагестана, которая находилась под контролем России и входила в состав Закавказского края) и Шемахинской губерний¹⁷ (в 1849 г. была образована пятая, Эриванская губерния)¹⁸. 15 декабря 1846 г. по "Положению о заселении и гражданском управлении северо-восточного берега Черного моря" под непосредственное управление наместника перешла вся Черноморская береговая линия, а побережье в порядке общего управления было причислено к Закавказскому краю. Данное разделение обуславливалось желанием наместника создать крупные губернские центры, которые должны были стать центрами торговли и культуры. Образование на территории Закавказского края 5 губерний позволило обеспечить работой (в управлении) большое количество чиновников из представителей народов Кавказа. Новое административное деление также обеспечило населению лучший контакт с губернскими властями, так как не нужно было преодолевать большие расстояния, и было

стр. 109

направлено на гармонизацию межнациональных отношений: наиболее многочисленные народы Закавказья (армяне, дагестанцы, грузины, имеретинцы, азербайджанцы) получили возможность быть представленными не уездами, а губерниями (армяне - Эриванская, грузины - Тифлисская, грузины-имеретинцы - Кутаисская, дагестанцы - Дербентская, азербайджанцы - Шемахинская). Административные границы губерний не всегда совпадали с границами расселения народов, но в основном соответствовали границам армянских и азербайджанских ханств и грузинских царств на момент их вхождения в состав Российской империи. Наместник отмечал в своем отчете императору, что народы Закавказья (например, имеретины), приветствовали новое территориальное деление Закавказья¹⁹.

В 1847 г. Воронцов сохранив название, административные границы и органы власти

Дербентской губернии, Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства, объединил их в Прикаспийский край²⁰. В нем была учреждена военная администрация, которая усилила контроль за дагестанскими феодалами (ханом и шамхалом), что ограничило их автономию и содействовало защите прав российских подданных. В том же году Гурийский уезд, Мегрелия и княжеская Сванетия были выведены из управления начальника Черноморской береговой линии и присоединены к Кутаисской губернии, что способствовало улучшению управления, так как губернский центр (Кутаис) был намного ближе населению Мегрелии, Сванетии и Гурийского уезда, чем администрация Черноморской береговой линии.

В состав России в 1847 г. вошла часть обществ вольной Сванетии. На их территории было учреждено Малахо-Ипарское приставство, которое также вошло в состав Кутаисской губернии. На территорию Самурзакани претендовал владетель Абхазии князь Шервашидзе и мегрельские правители. Для того, чтобы прекратить конфликт, Самурзакань была передана третьей стороне - Кутаисской губернии. Таким образом, родственные народы Западной Грузии были объединены в одной Кутаисской губернии, что способствовало улучшению межнациональных отношений. Народы Западной Грузии легче подчинялись администрации Кутаисской губернии, в которую входили представители грузин-имеретин, чем управлению администрации Черноморской береговой линии. Кутаисская губерния расширилась территориально, что импонировало националистически настроенным имеретинам, проживавшим на ее территории.

Административные изменения произошли и на Северном Кавказе. В целях унификации названий различных частей государства Кавказская область в мае 1847 г. была переименована в Ставропольскую губернию²¹. Главой местного управления в Кавказской области был начальник Кавказской области, который также занимал должность временно командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории. Ему подчинялось местное управление: кавказский гражданский губернатор и областной совет, канцелярия совета, областное правление, казенная палата, палаты государственных имуществ, областной суд, полицейское управление, врачебная управа, строительная комиссия, приказ общественного призрения, а также государственные учреждения на уровне уезда. После преобразования Кавказской области в Ставропольскую губернию органы управления изменили свое название. Но их задачи и функции остались прежними. Единственным исключением было преобразование областного суда в палату уголовного и гражданского суда. Также было открыто Дворянское депутатское собрание²².

Для того чтобы привлечь на свою сторону местное дворянство наместник также организовал выборы в дворянские собрания Тифлисской и Кутаисской губерний. Впоследствии грузинское и ставропольское дворянство яв-

лялось опорой князя во многих его начинаниях. Собрания Тифлисской и Кутаисской губерний участвовали в работе комиссий по определению прав лиц на дворянское достоинство. Представители Ставропольского дворянского собрания активно участвовали в благотворительной деятельности.

В Кавказской области был сохранен прежний порядок управления, который отличался от общероссийского тем, что и до назначения Воронцова наместником и во время его управления военная и гражданская власть в Кавказской области (а впоследствии и в Ставропольской губернии) была сосредоточена в одних руках. С 1840 г. управление гражданской частью в Кавказской области и Черномории было юридически подчинено начальнику Кавказской

области, который являлся одновременно командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории, а также наказным атаманом Черноморского казачьего войска. После преобразования Кавказской области в Ставропольскую губернию гражданский губернатор продолжал оставаться в подчинении командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории, который продолжал совмещать эту должность с местом управляющего гражданской частью Ставропольской губернии. Одновременно он оставался наказным атаманом Черноморского казачьего войска. В Ставропольской губернии фактически осуществлялась власть военного губернатора с широкими полномочиями.

Изменения в управлении Закавказьем, проводившиеся Воронцовым, были связаны и с опасностью войны, исходившей от Турции. Ситуацию в регионе обостряла также Кавказская война и неоднократные попытки мюридов перенести военные действия в Шемахинскую губернию с целью поднять антироссийское мусульманское восстание на ее территории. В итоге порядок гражданского управления Закавказского края перестал быть идентичным общероссийскому. Воронцов способствовал введению в крае института военных губернаторов с широкими полномочиями (решающая власть по всем частям военного и гражданского управления была передана им).

В основу административно-территориальной системы Закавказского края был положен принцип жесткой централизации. В Тифлисской губернии, в которую входили Джаро-Белоканская область и Элисуйское султанство (населенные в основном лезгинами) также было введено военное управление. Данные административно-территориальные единицы были объединены в один военный округ. В июне 1847 г. военным губернаторам Закавказского края было предоставлено право дивизионных начальников по военно-судной части, что давало им возможность решать окончательно следственные и военно-судные дела о жителях Закавказского края, которых судили за грабежи и разбои²³. В 3-х губерниях губернскому правлению придавалась всего лишь роль канцелярии. Все дела (за исключением важных прав личности и имущественных интересов государства и частных лиц) передавались на рассмотрение губернатору. Во главе уездов Кутаисской и Эриванской губерний стояли уездные начальники, которые были наделены полицейской властью по уголовным (когда цена украденного или захваченного не доходила до 100 руб.) и гражданским делам незначительной важности²⁴. Во главе участка был назначен участковый начальник, который объединял в своих руках судебную и полицейскую власть. Остальные государственные органы местной администрации остались без существенных изменений: губернские управления, суды и палаты (казенные, государственных имуществ, уголовного и гражданского суда), приказы общественного призрения, прокуратуры. В Кутаисской, Дербентской, Эриванской губерниях вместо уездных судов и палат гражданских и уголовных дел был учрежден губернский суд, для рассмотрения всех дел, изъятых из ведомства полиции. Казенные палаты и палаты государственных

имуществ в этих губерниях были упразднены, а их функции возложены на губернские правления. Данная структура управления помогала централизовать власть, что в условиях Кавказской войны, было жизненно необходимо.

Воронцов также провел преобразования судебной системы Закавказского края, в структуру которой были введены суды, принимавшие решения на основе обычного права горцев. Одним из немногих судов, действовавших полулегально на основе обычного права к моменту назначения Воронцова наместником, был организованный в Самурзакани в 1840 г. народный

суд. Он совершался по местным обычаям и законам царя Вахтанга²⁵. Наместник осознавал несовершенство российской законодательной базы. Он был противником поспешной русификации региона, населенного мусульманами, не имевшими развитого уровня гражданственности. Известно "Воззвание графа Воронцова к жителям Дагестана" (1845 г.)²⁶. В нем наместник гарантировал народам Кавказа права на жизнь, неприкосновенность религии, законов и обычаев, право собственности на движимое и недвижимое имущество. В соответствии с духом и буквой этих прокламаций, Воронцов начал вводить суды, действующие на основе обычного права горцев Северного Кавказа и народов Закавказья. Это было необходимо, так как социально-экономическая ситуация на Кавказе обострялась. В первой половине 1840-х гг. преступность в регионе выросла. В Осетии действовали шайки разбойников²⁷. Происходили крестьянские волнения в Гурии²⁸. Преступность выросла и в Джаро-Белокавказском округе, в котором только в 1844 - 1845 гг. было похищено более 26 тыс. руб. и 19 тыс. баранов²⁹. Для наказания преступников из числа гражданского населения, наместник редко прибегал к смертной казни. В основном она применялась против дезертиров, переходивших на сторону мюридов³⁰. Против преступников чаще использовалась такая форма наказания, как ссылка. Вследствие недостаточной силы формируемых судебно-полицейских органов, Воронцов получил право (по приговору сельских обществ и без него) высылать осужденных во внутренние губернии под надзор полиции или в арестантские роты³¹. Но наместник понимал, что одними полицейскими мерами рост преступности и распространение мюридизма не остановить. Он обратился к опыту судов, действовавших на основе обычного права горцев (адата) и воздействовавших на них силой авторитетного состава суда и местных обычаев.

Михаил Семёнович пришел к мысли о необходимости распространения системы судов (по опыту судов для кумыков и кабардинцев, которые были учреждены в период управления Кавказом А. П. Ермолова), принимающих решения на основе адата, а не шариата, который уравнивал знать (находившуюся на стороне России) и простолюдинов (значительная часть которых сочувствовала мюридам), что отталкивало влиятельных людей из местного населения от сотрудничества с Россией. Кроме того, шариатские суды способствовали распространению влияния исламского духовенства не только на ход и результаты суда, но и на общественное мнение (такие суды становились местом распространения идеологии мюридизма). Многие представители мусульманского духовенства были сторонниками мюридов, которые стремились уничтожить адат и ликвидировать высшие сословия. Поэтому представители высших сословий могли быть союзниками России в борьбе с мюридами. Но долгое время одной из основных ошибок российской национальной политики на Кавказе было нарушение прав высших мусульманских сословий, что отталкивало их от сотрудничества с Россией и ослабляло управление Кавказом. Так, в управление Ермолова были нарушены права агалар, являвшихся крупными феодалами на территории Закавказья. По положению о правах и обязанностях агаларов (1818 г.) они были лишены наследственного (помещичь-

его) права на управление деревнями и владение землей. По этому положению агалары стали только временными управителями (и одновременно временными землевладельцами) селений. На должность агалара назначались только по решению российской администрации, которая учитывала их заслуги перед Россией. Таким образом, были нарушены древние права агаларов, закрепленные за ними грамотами персидских шахов, турецких султанов и грузинских царей³². При управлении Ермолова представители высших мусульманских сословий неоднократно выступали против российской власти, а в период вторжения персидской армии в Закавказье (1826 г.) переходили на сторону врагов России³³. В 1839 - 1841 гг. агалары были лишены даже

временных прав на управление деревнями, потеряв таким образом и временные землевладельческие права, несмотря на то, что власть агалар признавалась населением, которое было недовольно таким решением правительства. По настоянию Воронцова в декабре 1846 г. был утвержден рескрипт "О поземельных правах Беков, Медиков и Агаларов", по которому они получили земли, принадлежавшие им до вхождения Закавказья в состав России³⁴. Для того чтобы окончательно привлечь на сторону России высшие сословия Закавказья (а также укрепить местный судебно-полицейский аппарат) наместник настоял на признании наследственных полицейских и судебных прав агалар над поселянами, живших на землях, возвращенных агаларам. 28 декабря 1847 г. было утверждено "Положение о взаимных отношениях агаларов и поселян, живущих на землях, возвращаемых Агаларам и утверждаемых за ними на основании Высочайшего рескрипта 6 декабря 1846 года"³⁵. Таким образом, при Воронцове было восстановлено целое сословие землевладельцев и управителей деревень, суды в которых стали проходить по обычному праву местных народов.

При этом решения судов, действовавших на основе адата, не вызывали у местного населения возражений и снимали с государственного судопроизводства и полиции ведение значительного количества дел, требовавших затрат времени и средств на проведение следствия и процесса, привлечения чиновников, доставку обвиняемых и свидетелей и других мер. Важное значение имело распространение на Закавказский край 21 декабря 1849 г. общих правил о мировом добровольном разборе и положение о третейском суде, что позволило представителям многих народов Закавказья, по обоюдному согласию, на основе обычаев решать спорные вопросы. Воронцов настоял также на помиловании многих преступников и изъятии из уголовных дел "спорных", причисляя к ним ссоры, драки, увоз женщин, кровную месть, ранения, убийства и воровство на любую сумму. Эти преступные действия регулировались нормами обычного права горцев. В среде лезгинского народа такие дела стали рассматриваться Джаро-Белоканским судом по народным обычаям. Управление Джаро-Белоканским округом стало состоять из начальника военного отдела, начальника округа и народного суда. Председателем последнего был русский офицер. Кроме него в состав суда входили кадий (мусульманский священник) и 3 выборных из числа местных жителей³⁶. В Цебельде, вошедшей в состав России в начале 1850-х гг. суду также разрешили руководствоваться в своих решениях местными обычаями³⁷. С 1850 г. армянам города Нахичевань было предоставлено право решать тяжбы по Армянскому Судебнику³⁸. В ноябре 1852 г. было принято "Положение об устройстве управления в Большой и Малой Чечне", по которому народный суд (мехкеме) был учрежден в крепости Грозной. Председателем суда стал русский офицер, востоковед И. А. Бартоломей, который хорошо знал обычаи горцев³⁹. Суть грозненского суда состояла в том, что мирным горцам была предоставлена возможность самим выбирать по каким законам будет прохо-

стр. 113

дить судопроизводство - по шариату или по адату. Причем члены суда (3 избранных народом старшины) были местными, уважаемыми людьми. Мусульманский священник (кадий) имел право решающего голоса только лишь в случае разбора дела по шариату, в остальных случаях - только совещательного голоса. В случае разбора дела по адату, право решающего голоса было у председателя мехкеме и членов суда. В 1853 г. в Сванетии был также учрежден суд, руководствовавшийся местными законами, после чего еще 2 сванских общества приняли подданство России⁴⁰.

Учреждение народных судов возобновило военно-народное управление на территории Северного Кавказа. Его суть состояла в привлечении к управлению представителей коренных народов Кавказа, которые получали власть на уровне уезда или округа, а также могли

участвовать в судопроизводстве под контролем российских офицеров. Военно-народное управление особенно распространилось в 1860-х гг. и (с небольшими изменениями) просуществовало на Северном Кавказе до 1917 года⁴¹. Ряд норм адата превратился в письменное законодательство, приближенное к общероссийским законам. В то же время российская администрация попыталась уничтожить архаичные уголовные нормы адата (кровную месть, грабеж имущества убийцы), вместо которых вводились денежные компенсации по адату⁴². Фактически созданием судов, действовавших на основе адата, было начато формирование светского суда в среде горцев Северного Кавказа, пользующегося у них доверием и авторитетом. Право решать конфликты и судебные споры по древним обычаям способствовало снижению конфликтности в регионе. Суды на основе адата постепенно вытесняли шариат, в котором Воронцов видел опасность распространения мюридизма. Разрешив использование адата в качестве юридической нормы, наместник вынужденно отошел от духа и буквы тогдашнего российского уголовного и гражданского права.

Реформируя судопроизводство среди горцев Кавказа, Воронцов задумывался над введением в действие законов царя Вахтанга VI, для чего создал особую комиссию. Затем к работе над ними приступил Совет Главного управления. Впоследствии их пересмотр был поручен князю Багратиону-Мухранскому, который уже в 1854 г. представил проект, не утвержденный из-за Крымской войны. В итоге значительной работы, проделанной в период управления Воронцова, после его отставки 20 законов царя Вахтанга в 1859 г. были добавлены к X тому Свода законов гражданских для Имеретии и Грузии⁴³.

Наместник также не вторгался во внутреннюю жизнь народов Кавказа (например, лезгин) и не ослаблял власти местных кевхов (сельских старост). В то же время Воронцов настаивал на праве высших сословий (ханов) избирать кевхов, так как понимал важность сотрудничества с высшими сословиями и сельской администрацией в деле формирования пророссийски настроенных слоев среди коренного населения⁴⁴. В Чечне была введена должность аульных старшин и назначен начальник чеченского народа. Вся занятая русскими территория Чечни была разделена на округа под управлением старшин, а в каждом ауле - аульных старшин, которые были подчинены окружным старшинам.

Осознавая значимость привлечения местных народов к участию в судебной и исполнительной власти, Воронцов стал расширять такую ее форму как приставство, в которой участвовали горцы, пользовавшиеся уважением в среде местных народов. Приставы выражали интересы российской администрации и помогали управлять коренным населением, невнимание к нуждам которого становилось причиной восстаний. Так, в управлении Самурзаканью проявлялось безразличие к социальным проблемам местного населения, вслед-

ствие чего в 1848 - 1849 гг. там начались недовольства, вылившиеся в открытые мятежи. Они были подавлены отрядом под командованием кутаисского военного губернатора Белевского летом 1849 года. Для успокоения жителей было принято решение об учреждении общего собрания мдиванбеков при участии пристава. Вся Самурзакань была разделена на 4 участка. На каждом был свой управитель (мдиванбек), который отчитывался приставу о своих действиях раз в неделю. Из-за того что не было однозначного толкования обычаев, в Самурзакани отказались от норм обычного права и вернулись к решению дел по уложению грузинского царя Вахтанга⁴⁵. В 1848 г. для карабулаков и чеченцев, на занятых Кавказским корпусом территориях, также было организовано приставство, целью которого было управление этих народов по их обычаям⁴⁶. В 1849 г. Воронцов получил право назначать приставов горских

народов. Им были организованы приставства в среде тахтамышевцев, закубанских армян и бесленеевского народа⁴⁷. В Дербентской губернии было также открыто 2 приставства. Расширение слоя приставов и старшин способствовало увеличению социальной опоры наместника среди коренного населения. Кроме того, приставы служили промежуточным звеном между местным населением и органами местного управления на уровне губернии. Приставы помогали решать многие проблемы мирным путем. В Тифлисской губернии было образовано 4 округа (тушино-пшаво-хевсурский, осетинский, горских народов и Джаро-Белоканский военный округ), которые в своем статусе были приравнены к уездам. Окружными начальниками стали представители горцев. Управление территорией элисуйского султанства было поручено родственнику бывшего элисуйского султана Даниэль-бека Хаджи-Ага-беку, что подчеркивало преемственность власти, одобрялось местными обычаями и было встречено горцами с радостью.

С 1848 г. в наместничестве стали образовываться особые присутствия (словесные суды). Такой суд был организован при тифлисском уездном суде. Словесные суды применялись также в Кавказском линейном казачьем войске⁴⁸. Действовал такой суд в Ставрополе и Джаро-Белоканском округе. Особенностью словесных судов было упрощение и ускорение процедуры (без излишней канцелярской работы) разбора торговых дел, при соблюдении объективности и справедливости в принятии решений.

Другим направлением деятельности наместника в сфере судопроизводства стало внедрение общероссийских правовых норм на Кавказе. Несмотря на то, что Воронцов старался адаптировать российское законодательство к местным условиям, в то же время он распространял действие многих российских законов на Закавказский край. Для этого наместник старался сделать законы понятными и применяемыми в среде уроженцев Кавказа. Воронцов пытался ликвидировать правовую безграмотность местного населения. С 1845 г. для доведения постановлений власти было принято решение об обнародовании законов в Закавказском крае в общественных местах и на площадях, на тюркском, грузинском и армянском языках⁴⁹. Местные народы стали снабжаться наставлениями на грузинском и русском языках о соблюдении сроков и процедур судопроизводства, что означало возможность защиты местным населением своих законных прав в суде⁵⁰. 1 января 1854 г. был открыт Тифлисский коммерческий суд, прохождение дел в котором было достаточно быстрым и велось на персидском, армянском и грузинском языках⁵¹.

Постепенно в Закавказском крае начали действовать многие российские законы, которые было возможно и необходимо применять. Например, в 1845 г. было принято решение о распространении на Закавказский край проверки прав собственности на имения при их продаже⁵². 9 апреля на Каспийскую область был распространен российский закон, по которому было предостав-

лено право представлять частные недвижимые имущества в залоги по казенным операциям⁵³. 30 августа 1853 г. в Моздоке была открыта ратуша, объединившая функции ратуши и Городской думы. Ей принадлежала хозяйственная, а также судебная, по уголовным и гражданским делам, власть, а также словесный суд⁵⁴.

Итогом деятельности Воронцова в сфере управления стало то, что исполнительная власть в Закавказском крае оказалась военной (был введен институт военных губернаторов с широкими

полномочиями; сам наместник был главнокомандующим Кавказским корпусом), что улучшило дисциплину среди чиновничества, значительную часть которого составляли военные. Глава наместничества (наместник), а также губернаторы были наделены чрезвычайными полномочиями, которые распространялись как на военную, так и на гражданскую сферу деятельности. В результате проведенных наместником преобразований в системе управления и суда Закавказского края, а также ряда территорий Северного Кавказа исполнительная и судебная власти были централизованы. Начальник гражданского управления Закавказского края, Совет Главного управления, ряд губернских правлений были лишены значительной части своих властных полномочий, которые перешли к наместнику и губернаторам. Губернские правления фактически стали канцеляриями губернатора, что сконцентрировало в руках последних широкие властные полномочия. В Дербентской губернии вместо губернского правления была учреждена канцелярия губернатора. Вертикаль исполнительной власти при Воронцове была значительно укреплена. Особенно повлияло на усиление власти образование самого института наместничества. Военные губернаторы были напрямую подчинены Воронцову в качестве чиновников и военных. По рескриптам императора от 30 и 31 января 1845 г. Воронцов получил многие функции высшей судебной инстанции. Он мог отрешать от должности, переводить на другое место работы, предавать суду чиновников и военных⁵⁵. Несмотря на широкие полномочия, наместник не стал широко применять карательные меры, осознавая их неэффективность. Важным шагом было введение Воронцовым института дворянских собраний, которые были при нем организованы в Ставропольской, Тифлисской, Кутаисской губерниях. Соборы вошли в структуру управления наместничества. Значительная роль при управлении Воронцова была уделена административно-территориальному устройству Закавказского края. Вскоре после разделения Закавказского края (1846 г.) усилился контроль над исполнением законов, так как вместо двух центров (в Каспийской области и Грузино-Имеретинской губернии) появилось 5 губернских центров. Для горцев были введены особые управления (округи), которые были образованы в Тифлисской губернии. Создание округов и новых губерний способствовало формированию пророссийски настроенной прослойки горских чиновников и привлекало симпатии населения на сторону России, так как местные народы получали возможность участвовать в государственном управлении на уровне округа и губернии.

При управлении Воронцова на Кавказе были проведены значительные изменения судебной системы, стержнем которых стало включение норм обычного права горцев в качестве законодательной базы для вынесения решений по уголовным и гражданским делам. В Дербентской, Эриванской и Кутаисской губерниях вместо уездных судов и палат гражданских и уголовных дел был учрежден институт губернских судов, который занимался рассмотрением всех дел, изъятых из компетенции полиции. Судебная власть к окончанию управления Воронцова осуществлялась наместником, губернаторами (которые были наделены правом дивизионных начальников по военно-судной части), судебными учреждениями (палатами уголовного и гражданского

суда или губернским судом, коммерческим судом, а на уровне уезда соответствующими уездными и словесными судами), которые разделяли ее с уездными начальниками, приставами, сельскими обществами, ратушами, участковыми заседателями, военно-судными комиссиями, а также высшими сословиями Закавказья (агаларами, беками и медиками).

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание второе. Т. 15. 13 368. СПб. 1840, с. 239, 245.
2. Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа. - Русская старина. СПб. Январь 1900, с. 49.
3. МАЛАХОВА Г. Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII-XIX вв. Ростов-на-Дону. 2001, с. 195.
4. ЩЕРБИНИН М. П. Воспоминания. - Русский архив. М. 1876, с. 301 - 302; Из записок барона..., с. 52.
5. Из записок барона..., с. 52 - 54.
6. ПСЗРИ. Т. 20. 18 679. 1846, с. 151.
7. Там же. 18 687. 1846, с. 160 - 161.
8. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза - И. А. Ефрона. Т. 6, 22, 26, 63, 73. М. 1990-1993, с. 607, 582, 819, 461, 166 соответственно.
9. МУХАНОВ В. М. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. М. 2007, с. 122.
10. ПСЗРИ. Т. 20. 18 702. 1846, с. 168, 169; 19 230. 1846, с. 566 - 567.
11. Там же. Т. 21. 19 590. 1847, с. 17.
12. Там же. 19 706. 1847, с. 226.
13. Кавказский календарь на 1850 г. Тифлис. 1849, с. 3 - 7.
14. ПСЗРИ. Т. 21. 20 286. 1847, с. 162.
15. Там же. 20 525. 1847, с. 345.
16. Из записок барона..., с. 37 - 38.
17. ПСЗРИ. Т. 21. 20 701. 1847, с. 647.
18. Там же. Т. 24. 23 303. 1850, с. 311.
19. Отчет князя М. С. Воронцова за 1849 - 1851 годы. - Акты Кавказской Археографической комиссии (АКАК). Тифлис. Т. X. 1885, с. 883.

20. МУХАНОВ В. М. Ук. соч., с. 123.
21. ПСЗРИ. Т. 22. 21 164. 1848, с. 396.
22. Кавказский календарь на 1847 г., с. 198; Кавказский календарь на 1850 г., с. 23.
23. ПСЗРИ. Т. 22. 21 345. 1847, с. 551.
24. Там же. Т. 23. 22 917. 1850, с. 34.
25. ИВАНЕНКО В. Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества Великого Князя Михаила Николаевича. - Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. XII. Тифлис. 1901, с. 390, 423 - 424.
26. Воззвание графа Воронцова к жителям Дагестана (1845 г.). - АКАК. Т. X, с. 361 - 362.
27. Рапорт ген. Головина гр. Чернышеву, от 26-го сентября 1840 года. N 1095. - АКАК. Т. IX, с. 147.
28. Рапорт ген.-л. Брайкюни А. И. Чернышеву от 9 июня 1841 года. N 5. - АКАК. Т. IX, с. 6.
29. ИВАНЕНКО В. Н. Ук. соч., с. 403.
30. Князь М. С. Воронцов. Письма его к кн. В. О. Бебутову. - Русская старина. Т. 7. 1873, с. 106.
31. ПСЗРИ. Т. 25. 24 621. 1851, с. 197.
32. Рапорт ген.-л. Ладинского к кн. Воронцову от 6-го июня 1845 года. N 29. - АКАК. Т. X, с. 5.
33. Отношение барона Розена к гр. Чернышеву от 11 февраля 1838 года. N 39. - АКАК. Т. 9, с. 979.
34. ПСЗРИ. Т. 21. 20 672. 1847, с. 617.
35. Там же. Т. 22. 21 825. 1848, с. 931.
36. ИВАНЕНКО В. Н. Ук. соч., с. 404 - 405.

стр. 117

37. ПСЗРИ. Т. 27. 26 740. 1853, с. 648.
38. ИВАНЕНКО В. Н. Ук. соч., с. 429.

39. ПСЗРИ. Т. 26. 24 785. 1852, с. 3.
40. Доклад Кутаисского военного губернатора ген.-м. кн. Гагарина кн. Воронцову от 24 июля 1853. N 167. Боржом. - АКАК. Т. XI, с. 941 - 942.
41. МУХАНОВ В. М. Ук. соч., с. 139.
42. АРАПОВ Д. Ю., БАБИЧ И. Л., БОБРОВНИКОВ В. О., ГАККАЕВ Дж. и др. Северный Кавказ в составе Российской империи. М. 2007, с. 194.
43. ИВАНЕНКО В. Н. Ук. соч., с. 391 - 393.
44. Всеподданнейший рапорт князя Воронцова от 9 марта 1846 г. - АКАК. Т. X, с. 12.
45. Российский государственный военно-исторический архив, ф. 482, оп. 1, д. 95, л. 3 - 4, 6, 9.
46. ПСЗРИ. Т. 23. 22 641. 1849, с. 640.
47. Там же. Т. 24. 22 929. 1850, с. 39.
48. Там же. Т. 21. 20 425. 1847, с. 291.
49. Там же. Т. 20. 19 545. 1846, с. 232.
50. Отчет князя М. С. Воронцова за 1849 - 1851 годы. - АКАК. Т. X, с. 901.
51. ПСЗРИ. Т. 20. 19 419. 1846, с. 95 - 96.
52. Там же. 18 914. 1846, с. 320.
53. Там же. Т. 28. 27 240. 1854, с. 225.
54. Там же. 27 534. 1854, с. 423.
55. Там же. Т. 20. 18 679, 18 687, с. 151, 157 - 161.